

Когда человек счастлив, время летит незаметно.

Наконец настал час зажигать огни. На воду один за другим опустились сотни речных фонариков. Они уплывали по течению, словно осколки упавших звезд, усыпая сверкающим ковром всю речную заводь.

Бумажный воробушек, которого Цзюнь Жухэн весь вечер вертел в руках, наконец-то обрел свое пристанище. Чу Яо заметил, что на шее птицы красуется тонкая красная лента с запиской, но разглядеть иероглифы в неверном свете пламени было трудно.

Только Наследный принц потянулся к подозрной трубе, как сидевший у кромки воды юноша негромко проворчал:

— Как жаль. Я так долго готовил этот сюрприз, а кое-кто его даже не увидит.

Помедлив, Чу Яо бесшумно убрал трубу и ласково, словно потакая капризному ребенку, произнес:

— Раз так, может, А-Хэн сам мне обо всем расскажет?

Цзюнь Жухэн упрямо мотнул головой:

— Если раскрыть желание, оно не сбудется.

Чу Яо еще сильнее захотелось узнать, что же написано на красной бумаге. Он бросил мимолетный взгляд на воду, и в его глазах промелькнул хитрый огонек.

— Давай поспорим, А-Хэн. Если число фонариков на реке окажется четным, ты откроешь мне тайну. А если нечетным, то я расскажу тебе об одном своем заветном желании. Идет?

Цзюнь Жухэн подозрительно прищурился. В изящном изгибе чужих губ ему почудился подвох.

Но юношеский задор и недавняя победа в шахматах не позволяли отступить.

— Идет! — легко согласился он.

Цзюнь Жухэн отыскал на мостках уединенное, укрытое от ветра местечко, облокотился на перила и принялся увлеченно считать проплывающие мимо огни.

Он сосредоточился настолько, что, казалось, полностью отрешился от внешнего мира. Все вокруг — шумная толпа, плеск воды, ночные шорохи — будто перестало для него существовать.

Они с Чу Яо словно оказались в разных пространственных измерениях, разделенные невидимой чертой.

В этой мирной, убаюкивающей атмосфере Чу Яо наконец позволил себе немного расслабиться.

Он сделал два шага вперед. Черная шелковая лента, которой юноша днем закрывал глаза, теперь стягивала его волосы в небрежный хвост. Концы повязки вольно трепетали на ветру, то взмывая вверх, то опускаясь на плечи.

Чу Яо невольно вспомнил слова Цзюнь Жухэна: «С теми, кто тебе отвратителен, и поступать нужно безжалостно. Сводить счеты до последней мелочи».

"А ведь раньше я попросту не замечал чужой злобы... И дело было не только в презрении. Тот, кому суждено носить титул Наследного принца, обязан терпеть то, что не под силу другим, и мириться с тем, с чем другие никогда не смиряются"

"Когда слишком долго стоишь на алтаре, волей-неволей становишься истуканом. Неважно, истинный ты бог или ложный, — золоченая маска, не выражающая ни гнева, ни радости, намертво прирастает к лицу"

И вот впервые кто-то напомнил Чу Яо, что он — обычный человек. Человек, который имеет полное право любить и ненавидеть по собственной воле.

Он тихо, точно боясь спугнуть мгновение, спросил:

— А-Хэн говорит, что к ненавистным вещам нужно быть беспощадным. Но неужели и с тем, что любишь, нужно поступать так же? Привязываться до одержимости?

Юноша, полностью поглощенный счетом, рассеянно бросил:

— Угу.

Этот короткий ответ прозвучал для Чу Яо как молчаливое дозволение.

Повинуясь невидимой красной нити, он медленно сокращал расстояние между ними. Он подошел так близко, что его грудь почти касалась спины Цзюнь Жухэна.

Отсюда он не слышал биения чужого сердца, но зато мог отчетливо разглядеть крошечную алую родинку у юноши за ухом.

Чу Яо протянул руку, на запястье которой была повязана красная нить, и осторожно накрыл ладонь Цзюнь Жухэна, лежащую на перилах. Это могло показаться случайным жестом, но пальцы Наследного принца не спешили отпускать чужую руку, превращая невинное касание в нечто томительно-интимное.

Цзюнь Жухэн, боясь сбиться со счета и упустить победу, никак не отреагировал на эту безмолвную ласку.

Апрельский ветер все еще дышал прохладой, но в груди Чу Яо вновь зашевелился затаенный, томительный жар. Он стоял слишком близко. И теперь, когда перед его глазами была эта алая родинка, он уже не мог смотреть ни на что другое.

Взгляд скользнул по нежной, почти прозрачной коже шеи, под которой угадывалось биение вен. Чу Яо ощутил дикое, почти первобытное желание прижаться к этому изгибу губами, прикусить, зализать след. И когда он осознал, что это влечение — вовсе не голод проклятого тела, жаждущего чистейшей янской крови, его прошиб холодный пот. По спине пробежала дрожь подспудного страха.

"Нельзя.

Нельзя к нему прикасаться.

В моей жизни не должно остаться ничего, что могло бы так легко лишить меня рассудка. Мы можем играть в любые игры, биться об заклад на что угодно, но только не на мое самообладание"

И все же вид юноши, склонившегося над водой, его алое одеяние, колеблемое ветром, пробуждали в памяти обрывки воспоминаний о той безумной ночи. Очертания тонкой талии, покрытая шрамами спина и невероятно чистая, манящая шея...

Пальцы Чу Яо невольно переплелись с пальцами Цзюнь Жухэна, сжимая их все крепче. Тьма, однажды пустив корни в душе, уже не желала отступать.

Но в этот момент тишину нарушил торжествующий возглас юноши:

— Одна тысяча двести тридцать семь! Ха! Ты проиграл!

Чу Яо словно очнулся от наваждения. Он поспешно отдернул руку и, точно фокусник, извлек из-под полы своей теплой лисьей шубы еще один фонарик:

— Одна тысяча двести тридцать восемь. Я был в шаге от поражения.

Лицо Цзюнь Жухэна мгновенно вытянулось от возмущения:

— Так нечестно! Тот, что не на воде, не считается! Этот раунд не засчитан!

Чу Яо негромко рассмеялся. Огни плывущей по реке звездной нити померкли перед его улыбкой.

Цзюнь Жухэн на мгновение замер, не в силах отвести глаз.

Резкий порыв ночного ветра вернул его к реальности. Юноша почувствовал, как к щекам приливает жар, быстро распространяясь до самых мочек ушей.

— Держи, — Цзюнь Жухэн протянул ему свиток. — Это тебе.

— Что это?

Чу Яо развернул бумагу. На картине среди цветущих ветвей абрикоса высились причудливые дикие скалы. Свободное пространство свитка украшали аккуратные следы птичьих лапок, которые на удивление гармонично сглаживали резкие мазки художника.

— Мой подарок... — начал Чу Яо, но тут же перебил себя: — Когда ты успел забрать этот рисунок?

Они заговорили одновременно и так же разом умолкли.

Цзюнь Жухэн шмыгнул носом и неловко буркнул:

— С днем рождения.

О том, когда родился Наследный принц, он случайно узнал из духовной сути Чу Яня.

Цзюнь Жухэн, привыкший к суровым условиям и закрытому укладу, мало что понимал в праздниках. Раньше, глядя, как его соратники ломают голову над подарками для своих возлюбленных, он лишь недоуменно качал головой.

Кто бы мог подумать, что наступит день, когда и ему придется ломать голову над тем же самым.

Конечно, Цзюнь Жухэн и близко не соотносил Чу Яо со своей дражайшей половиной, но подарок выбирал с небывалым трепетом.

— Золотом и нефритом тебя не удивишь, да у меня на них и денег нет. А эту безделушку я сделал сам. Оставь себе на память.

Чу Яо долго всматривался в рисунок. Его взгляд, подернутый дымкой пьянящего тепла, на мгновение прояснился, а затем снова сделался задумчивым. Он хотел что-то сказать, но смолчал. Наследный принц перевел взор на сияющую речную гладь, и его брови едва заметно дрогнули.

При жизни благословенной Императрицы Чжаожоу день рождения Наследного принца праздновался с невероятным размахом. Весь дворец утопал в роскоши и цветах. Но больше всего маленький Чу Яо ждал скромную пиалу лапши-долголетия, которую мать готовила для него своими руками.

После ее кончины Наследный принц лишился милости государя. По столице поползли зловещие слухи о его «проклятой доле». Чтобы успокоить подданных, Император Вуле запретил устраивать празднества в Восточном дворце, а слугам под страхом смерти было запрещено подносить Чу Яо лапшу-долголетия.

"Должно быть, мое долголетие для них — не благословение, а проклятие"

Восьмиугольный павильон

Они добрались до Восьмиугольного павильона, стоявшего посреди реки.

— Пить будешь? — Цзюнь Жухэн протянул ему кувшин с вином.

На самом деле Чу Яо совсем не умел пить, но после секундного колебания кивнул:

— Давай.

Лучшее вино в этом мире порой слаще любого яда. Оно манит своим ароматом, оставляя на губах горькое послевкусие. Но даже зная об этом, человек готов испить его до дна, лишь бы погрузиться в сладостное забытие.

Засыпая, Чу Яо улыбался.

Пусть его день рождения наступит только завтра, но то, что кто-то вспомнил об этом сегодня, доказывало: для этого человека он все еще оставался живым, из плоти и крови.

Ради этого стоило опьянеть.

Глядя на спящего за столом Чу Яо, Цзюнь Жухэн помрачнел.

Он перевернул кувшин, выливая остатки вина на пол, и в его пальцах привычно блеснуло острое лезвие.

Холодная сталь замерла у лба Чу Яо, скользнула по переносице к губам. Опасное прикосновение оружия казалось нежным, почти интимным, точно ласка влюбленного.

— Пить совсем не умеешь... Смотри мне, при чужих больше ни капли...

Внезапно Цзюнь Жухэн переменился в лице. Он резким движением метнул нож в темноту. Раздался глухой металлический щелчок — оружие отскочило от ножен незваного гостя.

— Двенадцать теневых стражей Тяньган действительно оправдывают свою славу, — усмехнулся Цзюнь Жухэн. — Выходи, к чему эти прятки?

Из-за занавеса бесшумно скользнула фигура.

— Надо же, как ты предан своему хозяину, шагу ступить не даешь, — язвительно бросил юноша. — Или твой повелитель боится, что я украду его драгоценного сына?

Цзян Ли застыл с каменным лицом, однако левую руку поспешно завел за спину, пряча сжатый кулак.

— Можешь не прятать. Подумаешь, пара золотых кистей, у меня таких полно, — хмыкнул Цзюнь Жухэн.

Нож, который он бросил, не был заточен. К его рукояти крепились тонкие шнуры из червонного золота — такие использовались только для украшения личных императорских жетонов.

А во всей Империи право носить знаки отличия из червонного золота имели лишь воины личной гвардии Императора — Двенадцать теневых стражей Тяньган.

Цзюнь Жухэн внимательно следил за лицом молчаливого стража.

— Если Наследный принц узнает, что происходило в его кабинете той ночью, он ведь сразу поймет, кто за ним шпионил, верно?

Цзян Ли стиснул зубы, на его висках выступили мелкие капли пота.

Цзюнь Жухэн примирительно улыбнулся:

— Ладно, я не стану выдавать тебя. Но при одном условии.

— Каком?

— Передай своему хозяину пару слов от меня.

...

Короткий хмельной сон не принес облегчения. Чу Яо проснулся с тяжелой, раскалывающейся головой.

Вчерашнее вино оказалось коварным — точь-в-точь как тот, кто его преподнес. Оно не затуманило разум напрочь, но оставило после себя томительную тоску.

Чу Яо прижал ладонь к глазам, пытаясь прийти в себя. В комнате царила непривычная, зловещая тишина.

Он накинул халат и поднялся. На шелковом платке, где обычно спал Цзюнь Жухэн в облике воробья, было пусто. Зато на столе исходила паром пиала с простой домашней лапшой.

Все слуги в Обители Созерцания Волн служили Чу Яо долгие годы и свято чтили запрет на празднование его дня рождения. Оставить эту лапшу мог только один человек.

Губы Чу Яо тронула слабая улыбка. Он взял палочки и потянул лапшу — длинная, неразрывная нить тянулась со дна чаши, суля долгие годы счастья.

На самом дне, под лапшой, обнаружилось аккуратно поджаренное яйцо с жидким желтком.

Золотистый бок яйца, присыпанный мелко рубленным зеленым луком, покачивался в прозрачном, подернутом жирком бульоне, в котором отражалось лицо Наследного принца. На его губах все еще блуждала мягкая улыбка.

Он решил поискать своего неугомонного гостя, но едва переступил порог, как увидел Цзян Ли. Тот стоял на коленях прямо на каменных плитах. Перед ним на земле лежал обнаженный Клинок Изумленного Кита — его верное оружие, с которым страж никогда не расставался.

— Духовная птица тайно сопровождала принцу Яню. Полчаса назад его взял под стражу глава Двенадцати теневых стражей Тяньган Вэнь Кань по личному приказу Его Величества.

Цзян Ли низко склонил голову, коснувшись лбом камней:

— Ничтожный не сумел помешать аресту! Молю о наказании, Ваше Высочество!

Вэнь Кань, Звезда Тянькуй, был главой императорской гвардии и старшим братом Цзян Ли. Ни по закону, ни по совести Цзян Ли не имел права вставать у него на пути.

И все же взгляд Чу Яо, устремленный на подчиненного, был холодным и острым, как бритва.

В нем сквозило не столько недовольство, сколько глубокое, леденящее подозрение.

Прошло несколько долгих мгновений.

— Если за ним явились по воле отца, ты и впрямь ничего не мог поделать. Но даже если дело касается государственной измены, вести следствие должен Судебный приказ. С каких пор этим занимаются Двенадцать теневых стражей Тяньган?

Цзян Ли не посмел признаться, что сам донес о случившемся. Он тщательно подбирал слова:

— До ничтожного дошли слухи... Говорят, это как-то связано с Драконьей жилой.

Чу Яо вздрогнул.

Он стремительно прошел в кабинет, рванул ящик стола и вытащил с самого дна потрепанную книгу — «Записи Минхая».

«Предания гласят: три души птицы Бифан чисты и безгрешны. Тот, кто заключит с ней Контракт согласия сердец, исцелится от любого яда, избавится от злейших проклятий и...»

Пальцы Чу Яо дрогнули. Засахаренное лакомство, которое он держал в руке, раскрошилось, просыпавшись сквозь пальцы мелким золотистым песком.

Хмель окончательно выветрился из его головы.

Цзюнь Жухэн знал. Он с самого начала знал, когда у Наследного принца день рождения. И эта лапша, и вчерашние фонарики, и подарок — все это было спланированным, продуманным прощанием.

Раз он прочел «Записи Минхая», значит, его арест... скорее всего, был частью его собственной игры.

Чу Яо прикрыл глаза, сжав пальцами ноющие виски. Какая ирония. Он, считавший себя самым осторожным человеком в Поднебесной, позволил обвести себя вокруг пальца ради одной пиалы лапши и кувшина вина.

Когда он снова открыл глаза, в их глубине не осталось и следа от вчерашнего тепла. Лишь холодная, расчетливая сталь.

Цзюнь Жухэн так отчаянно стремился к встрече с Императором. Что же он задумал ему сказать?

<http://bllate.org/book/18274/1750187>